

Д.К. Кучербаева^{1*}, Ж.С. Смагулова²

¹Maqsut Narikbayev University, Астана, Казахстан

²Университет КИМЭП, Алматы, Казахстан

*e-mail: d_kucherbayeva@mnu.kz

РАМОЧНАЯ МОДЕЛЬ МАТРИЧНОГО ЯЗЫКА: АНАЛИЗ КАЗАХСКО-РУССКИХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ

В данной статье представлены теоретические основы рамочной модели матричного языка, применяемой для объяснения структуры кодовых переключений – явления смешения двух или более языков в одном дискурсе без смены собеседника или темы разговора. В качестве эмпирического материала для анализа казахско-русских переключений использован корпус, состоящий из аудиозаписей естественной разговорной речи казахско-русских билингвов. Общий объем данных составляет около восьми часов, собранных в период с 2015 по 2020 год. На основе ключевых принципов рамочной модели матричного языка, а именно принципа системных морфем и принципа порядка морфем, выявлены типы билингвальных конstituентов по составу компонентов в казахско-русских переключениях, а также продемонстрированы способы определения доминантного (матричного) языка в билингвальных высказываниях. Наблюдаемые в корпусе примеры демонстрируют, что в казахско-русских переключениях используются: (1) конstituенты, состоящие из морфем гостевого (встроенного) языка без флексий матричного языка (embedded language bare forms); (2) конstituенты, состоящие только из единиц гостевого (встроенного) языка, так называемые «острова» гостевого (встроенного) языка (embedded language islands); (3) конstituенты, состоящие из комбинированной формы матричного и гостевого языков (mixed constituents). Анализ исследуемого материала позволяет предположить, что казахско-русские переключения относятся к классическому типу кодового переключения, при котором матричный язык проецирует порядок морфем и системные морфемы в билингвальных высказываниях. Вопрос о возможной связи между уровнем владения матричным языком и преобладающим типом кодового переключения выходит за рамки настоящего исследования и требует дальнейшей эмпирической проверки.

Ключевые слова: кодовое переключение, смешение кодов, теория матричного языка, казахский язык, русский язык, билингвизм, рамочная модель матричного языка.

D. Kucherbayeva^{1*}, J. Smagulova²

¹Maqsut Narikbayev University, Astana, Kazakhstan

²KIMEP University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: d_kucherbayeva@mnu.kz

Matrix Language Frame: Analysis of Kazakh-Russian code-switching

The article discusses the theoretical foundations of the Matrix Language Frame (MLF) model and its application to the structure of Kazakh-Russian code-switching – the phenomenon mixing two or more languages within one discourse without necessarily changing the interlocutor or topic. The analysis is based on approximately eight hours of naturally occurring conversations collected from Kazakh-Russian bilinguals between 2015 and 2020. Using the core principles of the MLF model, the study identifies different types of bilingual constituents, and demonstrates key criteria for determining the Matrix Language in bilingual utterances. The analysis of the selected data identifies instances corresponding to the classic type of code-switching, with Kazakh serving as the Matrix Language. In this role, Kazakh provides systemic morphemes and governs the morpheme order within bilingual phrases. The data analysis highlights the types of constituents used in Kazakh-Russian code-switching: (1) embedded language bare forms – constituents composed of uninflected morphemes from the guest language; (2) embedded language islands – constituents consisting solely of guest language units; and (3) mixed constituents – constituents formed by combining elements from both the dominant Matrix Language and the guest language. The analyzed examples are consistent with the classic MLF pattern, in which the Matrix Language projects morpheme order and system morphemes in bilingual speech. The possible relationship between speakers' proficiency in the Matrix Language and the predominant type of code-switching

was not quantitatively tested in the present study and therefore remains a question for further empirical investigation.

Keywords: code-switching, code-mixing, Matrix Language theory, Kazakh language, Russian language, bilingualism, Matrix Language Frame model.

Д.Қ. Көшербаева^{1*}, Ж.С. Смағұлова²

¹Maqsut Narikbayev University, Астана, Қазақстан

²КИМЭП Университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: d_kucherbayeva@mnu.kz

Матрицалық тіл теориясы: қазақ және орыс тілдері арасындағы кодтың ауысуы

Мақалада бір дискурста екі немесе одан да көп тілдің қатар қолданылуы нәтижесінде пайда болатын кодтың ауысуы құрылымын түсіндіру үшін матрицалық тіл теориясының негізгі тұжырымдары қарастырылады. Қазақ және орыс тілдері арасындағы кодтың ауысуын талдау үшін 2015–2020 жылдар аралығында жиналған, жалпы көлемі шамамен сегіз сағатты құрайтын қазақ-орыс билингвтерінің табиғи сөйлеуінің аудиожазбаларынан тұратын корпус пайдаланылды. Зерттеуде матрицалық тіл теориясының негізгі қағидаттары негізінде билингвалды конституенттердің түрлері анықталып, екітілді айтылымдағы матрицалық және ендірілген тілдерді ажыратудың негізгі өлшемдері сипатталады. Зерттеу нәтижелері қазақ-орыс кодтың ауысуында қазақ тілінің матрицалық тіл ретінде басым болатын классикалық типке сәйкес келетін жағдайлардың бар екенін көрсетті. Бұл жағдайда қазақ тілі жүйелік морфемаларды қамтамасыз етіп, билингвалды сөйлемдегі морфемалардың орналасу тәртібін айқындайды. Сонымен қатар қазақ-орыс кодтың ауысуында билингвалды конституенттердің үш түрі анықталды: (1) ендірілген тілдің морфологиялық көрсеткіштерсіз қолданылатын формалары (embedded language bare forms); (2) ендірілген тілдің ішкі морфо-синтаксистік құрылымын сақтайтын тілдік аралдар (embedded language islands); (3) матрицалық және ендірілген тіл элементтерінің ауысуынан құралған конституенттер (mixed constituents). Матрицалық тілді меңгеру деңгейі мен кодтың ауысуының басым типі арасындағы ықтимал байланыс осы зерттеуде сандық тұрғыдан тексерілмегендіктен, бұл мәселе одан әрі эмпирикалық зерттеуді қажет етеді.

Түйін сөздер: кодтың ауысуы, кодтың араласуы, матрицалық тіл теориясы, қазақ тілі, орыс тілі, көстілділік, матрица тілінің құрылым моделі.

Введение

Монолингвизм является «скорее исключением, чем правилом» (Cheshire & Trudgill, 1998, с. 1) в современном мире, тогда как мультилингвизм представляет собой «нормальную, обычную необходимость повседневной жизни» (Romaine, 2012, с. 445). Иными словами, мультилингвизм – это «сосуществование разных языков, находящихся в постоянном контакте друг с другом». Люди способны изучать и использовать несколько языков, в то время как общества могут адаптироваться к ним и управлять их взаимодействием (Li, 2013, с. 27).

Объектом данного исследования является казахско-русская билингвальная речь в условиях повседневной коммуникации. Предмет исследования составляет внутрифразовое кодовое переключение и его морфо-синтаксическая организация в терминах рамочной модели матричного языка: типы билингвальных конституентов, распределение грамматических показателей и статус языковых компонентов в

построении синтаксической рамки фразы. Цель исследования – проанализировать казахско-русское внутрифразовое кодовое переключение на основе рамочной модели матричного языка для выявления и описания грамматики локального смешанного кода и определения функциональных ролей казахского и русского компонентов в его структуре. В статье демонстрируются примеры внутрифразовых переключений в речи билингвов, выделяются типы билингвальных конституентов и уточняются виды кодового переключения, классическое и композитное. Настоящее исследование носит преимущественно качественный и иллюстративный характер и направлено на выявление и описание основных структурных типов билингвальных конституентов на материале казахско-русского кодового переключения. Возможная связь между уровнем владения матричным языком и преобладающим типом кодового переключения рассматривается как перспективное направление дальнейшего эмпирического исследования на более репрезентативном корпусе.

Научная новизна исследования заключается в том, что казахско-русское внутрифразовое кодовое переключение рассматривается как грамматически организованное явление и описывается структурно, через типологизацию билингвальных конститuentов и операциональное разграничение матричного и гостевого (встроенного) языков в реальных билингвальных высказываниях. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении механизмов грамматического построения смешанного кода в казахско-русской билингвальной речи и в расширении представлений о применимости рамочной модели матричного языка к материалу тюркско-славянского контакта. Практическая значимость работы определяется возможностью использовать предложенную схему анализа и результаты классификации при аннотировании билингвальных данных, в учебных курсах по контактной лингвистике и билингвизму, а также в прикладных задачах, связанных с разметкой и автоматическим выявлением кодовых переключений в текстах и транскриптах.

Материалы и методы

Для анализа казахско-русского кодового переключения в настоящей статье использован корпус аудиозаписей естественной разговорной речи казахско-русских билингвов. Общий объём аудиоматериала составляет около восьми часов; записи собирались в период с 2015 по 2020 год в условиях повседневной коммуникации.

Все участники дали информированное согласие на участие в исследовании и использование аудиозаписей в научных целях. Мы также обеспечили анонимность персональной информации респондентов: при транскрибировании материала применялись псевдонимы, а идентифицирующие сведения не включались в корпус.

Отбор, транскрибирование и обработка материала

Отбор материала осуществлялся по наличию внутрифразовых случаев переключения кодов, релевантных для морфо-синтаксического анализа в рамках рамочной модели матричного языка. В исследование включались фрагменты, в которых взаимодействие казахских и русских компонентов позволяло определить тип билингвального конститuenta, распределение системных и контентных морфем и структурную роль матричного языка. Настоящее исследование имеет преимущественно качественный и иллюстративный

характер. Поэтому социально-демографическое профилирование участников и количественное сопоставление их языковой компетенции не являлись самостоятельными задачами исследования. Уровень владения казахским и русским языками не оценивался с помощью стандартизированных диагностических процедур. В связи с этим полученные результаты используются для качественного описания и иллюстрации основных структурных типов билингвальных высказываний, а не для статистического обобщения их распределения.

Аудиоматериалы были транскрибированы с сохранением языковой последовательности исходной речи и морфологических характеристик билингвальных единиц. При анализе выделялись внутрифразовые конститuentы, содержащие элементы обоих языков. Для каждого анализируемого фрагмента определялись язык системных морфем, порядок морфем и языковая принадлежность контентных элементов, после чего конститuentы классифицировались на (1) конститuentы, состоящие из морфем гостевого (встроенного) языка без флексий матричного языка (2) конститuentы, состоящие только из единиц гостевого (встроенного) языка, так называемые «острова» гостевого (встроенного) языка; (3) конститuentы, состоящие из комбинированной формы матричного и гостевого (встроенного) языков. Разметка выполнялась авторами исследования; отдельная процедура межэкспертной проверки согласия не проводилась. В спорных случаях классификация основывалась на совокупности критериев рамочной модели матричного языка, прежде всего на принципах системных морфем и порядка морфем.

Критерии анализа

В модели матричного языка за единицу исследования предлагается брать комплементарная фраза (Complementizer Phrase – CP). В соответствии с рамочной моделью матричного языка (Myers-Scotton, 2002) CP рассматривается как синтаксический домен, включающий предикативную структуру и зависимые от неё конститuentы. При анализе материала границы CP определялись на основании синтаксической завершённости и предикативной структуры высказывания, а также синтаксических зависимостей между его компонентами. Внутри CP выделялись билингвальные конститuentы как минимальные структурные единицы, в которых взаимодействуют элементы матричного и гостевого языков. В качестве конститuenta мог-

ли выступать слово, словосочетание или более крупная синтаксическая единица, состоящая из содержательных (content) и системных (system) морфем одного или обоих языков. Если иноязычный компонент представлял собой синтаксически целостную единицу, сохраняющую внутреннюю грамматическую структуру гостевого (встроенного) языка, он рассматривался как остров гостевого (встроенного) языка, и его границы определялись на основании внутренней синтаксической и морфологической целостности. Таким образом, в настоящем исследовании СР использовался как верхний синтаксический домен анализа, тогда как билингвальный конститuent выступал непосредственной единицей классификации кодового переключения. Такой подход соответствует положению Myers-Scotton (2002, с. 55) о том, что «even within a sentence, the grammars may not be in contact» [даже внутри предложения грамматики взаимодействующих языков могут не вступать в непосредственный контакт]. Согласно модели матричного языка, анализу подлежат переключения, происходящие внутри СР, поскольку именно СР рассматривается как домен построения конструкции матричного языка (Myers-Scotton, 2002, с. 12).

С. Myers-Scotton выделяет «классическое» кодовое переключение, при котором формируется достаточно целостная грамматическая структура матричного языка в билингвальном высказывании. Однако кодовое переключение, при котором нет единой абстрактной структуры, лингвист определяет как «composite code-switching» (композиционное кодовое переключение). Так, модель С. Myers-Scotton подразумевает принципы, с помощью которых можно выявить, является ли переключение языков классическим или композиционным:

принцип системных морфем: в смешанных конститuentaх «матричный язык + гостевой (встроенный) язык» все грамматические формы, в том числе формообразующие аффиксы и единицы служебных частей речи (артикли, вспомогательные глаголы, местоимения как формальные члены предложения и так далее) проецируются матричным языком;

принцип порядка морфем: в смешанных конститuentaх «матричный язык + гостевой язык» контентные слова исходят от гостевого (встроенного) языка, имея при этом любое количество морфем матричного языка. Однако, билингвальная фраза в целом соответствует синтаксическому строю матричного языка. Другими словами,

данный принцип требует, чтобы последовательность морфем в морфо-синтаксической рамке не нарушала нормы матричного языка.

Обзор литературы

Переключение кодов является широко распространенным явлением, особенно в ситуациях, когда используются два или более языков. Примерами таких языковых пар являются валлийско-английский (Deuchar, 2020), игбо-английский (Akinremi, 2016), санжи даргва-русский (Forker, 2019). и другие. Подобно большинству сообществ в мире, Казахстан является многоязычным и многоэтническим обществом. В повседневных языковых практиках в Казахстане переключение кодов в рамках одного дискурса является обычным явлением, тогда как использование исключительно одного языка нетипично и встречается редко (Jankowski, 2012). Кодовое переключение – переход с одного языка на другой в одном дискурсе, предложении или фразе широко распространено в разговорной речи. Например, такие билингвальные фразы как «*поликлиникада тіркелген*», «*документтерің бар ма?*», «*скачать ету*» и подобные часто используются в повседневном общении казахско-русских билингвов, которые при этом не обязательно обладают одинаково высоким уровнем казахского и русского языков.

Что касается заявленных языковых компетенций в Казахстане, то согласно Всесоюзной переписи 1989 года, 97% этнических казахов указывали казахский язык своим родным языком, а 60.5% заявляли о свободном владении русским языком (USSR State Committee on Statistics, 1990). По данным переписи 2009 года, 74% населения понимали казахский язык; 64.8% умели читать, а 62% – писать на казахском языке. В то же время 94,4% респондентов понимают русский язык, 88.2% умеют читать и 84.8% – писать на русском (National Census, 2009). Перепись населения 2021 года выявила положительную тенденцию ревитализации казахского языка. Молодое поколение демонстрирует высокий уровень владения казахским языком, при этом наиболее высокий показатель (87.4%) отмечается среди подростков в возрасте 10-14 лет (включая неказахов). Что касается владения русским языком, то наименьшие показатели наблюдаются среди детей 5-9 лет (47.6%) и подростков 10-14 лет (57%) (National Census, 2021).

«Билингвальный тип» (Grosjean, 2001) является типичной языковой практикой для казахскоязычного населения, несмотря на значительные типологические различия между казахским и русским языками: казахский относится к семье тюркских языков, он является агглютинативным и характеризуется гармонией гласных. В то время как русский принадлежит к восточнославянской группе индоевропейской семьи, обладает синтетическо-флективной структурой и является фузионным языком. В повседневной речи этнических казахов наблюдается системное употребление русских дискурсивных маркеров, например «даже», «уже», «только», «значит», «ну», «то есть», «тоже» и т.д. (Бекмағанбетова, 2006). Более того, множество основных понятий также выражаются на русском языке. По мнению Н. Jankowski (2012) это сигнализирует о длительном языковом контакте и исторической функциональной ограниченности казахского языка.

Традиционно в казахстанской социолингвистике «язык» рассматривался прежде всего как маркер идентичности, поэтому ключевыми темами ранних исследований стали языковая ассимиляция, сохранение и развитие языков, а также языковое возрождение в многоязычном Казахстане (Dave, 1996; Laitin, 1998; Diener, 2006; Cummings, 2006). Соответственно, языковые вопросы чаще анализировались в политико-исторической перспективе через категории национализма, этничности, «родного языка», статуса и символической ценности языков. В современной литературе исследовательский фокус расширился: языковые практики описываются на методологической основе интерактивной социолингвистики J. Smagulova (2014; 2019), в рамках синтаксической теории (Muhamedova, 2009; Akishev, 2020), а также через концепции гетероглоссии, языковых идеологий и сатиры как ресурса позиционирования говорящего H. Foster (2017), L. Wheeler (2017).

Кодовое переключение также стало предметом активного изучения, в рамках которого предлагаются обзоры подходов к теории переключения кодов (Kenzhebayeva, 2020), описываются типичные коммуникативные условия его возникновения, анализируются лексические группы и частотность частей речи в билингвальных фразах (Utegenova & Utegenova, 2018; Kurmanova & Utegenova, 2021). Однако при общей разработанности социально-прагматического измерения смешанной речи существенно

менее изученным остаётся её структурное измерение: недостаточно системно описано как именно строятся билингвальные конститuentы внутри одной фразы, какие элементы задают синтаксическую рамку, как распределяются морфологические показатели и по каким критериям можно устойчиво разграничивать матричный и гостевой (встроенный) языки. Тем самым сохраняется исследовательский разрыв между описанием контекстов переключения и объяснением лежащих в его основе морфо-синтаксических механизмов, что и определяет основную направленность настоящего исследования.

Переход от описания «когда и зачем» говорящие переключаются к вопросу «как именно» устроены билингвальные конструкции требует опоры на исследования, использующие инструменты синтаксического и морфологического анализа. Анализ косвенной речи билингвов в работе Т. Akishev (2020) показал, что процесс переключения кодов способствует инфинитивизации элементов русского языка в казахских высказываниях. R. Muhamedova (2009), в свою очередь, считает, что в результате смешения казахского и русского языков, синтаксис казахского разговорного языка претерпевает изменения. Автор, применяя рамочную модель матричного языка, отмечает, что билингвальные придаточные предложения причины (*что, потому что*) имеют композитную природу матричного языка. Другими словами, билингвальные придаточные предложения не подчиняются нормам только лишь матричного языка. P. Auer & R. Muhamedova (2005) предполагают, что простые и сложные вкрапления гостевого (встроенного) языка не всегда принимают морфологию матричного языка и не обязательно следуют грамматике гостевого (встроенного) языка. Авторы это объясняют тем, что доминирование того или иного языка в билингвальном высказывании градиентно. О сложности установления матричного языка в «неклассическом» казахско-русском переключении также упоминается в работе Y. Mahire (2018).

Устойчивый казахско-русский билингвизм делает внутрифразовое кодовое переключение не случайным «смешением», а регулярной речевой практикой, формирующей локальные нормы смешанного кода. Однако исследования казахско-русских переключений в современной литературе, особенно в части последовательного структурного (морфо-синтаксического) анализа, остаются фрагментарными и методологически

неоднородными, что обуславливает необходимость дальнейшего изучения двуязычных высказываний в речи билингвов. Для описания того, как именно взаимодействуют казахские и русские элементы в пределах одной фразы и какие компоненты задают грамматическую рамку высказывания, в настоящей работе используется рамочная модель матричного языка (Matrix Language Frame), позволяющая разграничить структурно определяющий (матричный) язык и язык вставочных компонентов, а также системно классифицировать билингвальные конститuentы.

В лингвистической теории феномен переключения кодов начал активно изучаться с 1970-х годов. Первые работы, такие как исследования L. Timm (1975), C. Pfaff (1979) и других авторов были посвящены англо-испанским переключениям. Позднее интенсивные исследования S. Poplack (1980) и M. Clyne (1987) способствовали выявлению универсальных ограничений в кодовых переключениях различных языковых комбинаций. Для анализа билингвальных высказываний, в частности, для разграничения матричного и гостевого (встроенного) языков, а также определения минимальных структурных единиц анализа и определения типов морфем, была предложена рамочная модель матричного языка (Matrix Language Frame Model) (Myers-Scotton, 1993; 2002; 2006).

Перед переходом к концептуальному аппарату исследования и описанию проблемы, необходимо уточнить ключевые моменты. Во-первых, в практике двуязычных высказываний в речи билингвов определяются как code-switching «переключение кодов» или code-mixing «смешение кодов». Несмотря на отмечаемые лингвистами M. Halliday (1978), E. Bokamba (1989), семантические различия между этими понятиями, в данной статье под «переключением кода внутри предложения» понимается синонимичное понятие «смешения кодов». Так, переключение кода внутри предложения – это «встраивание различных языковых единиц, таких как аффиксы (связанные морфемы), слова (несвязанные морфемы), фразы и предложения из двух различных грамматических (под)систем в одном предложении и речевом событии» [«the embedding of various linguistic units such as affixes (bound morphemes), words (unbound morphemes), phrases and clauses from two distinct grammatical (sub-) systems, within the same sentence and speech event»] (Bokamba, 1989, с. 278). Во-вторых, необходи-

мо разграничивать понятия слова-переключения («switches») и слова-заимствования («established loans»). Слова-заимствования постепенно интегрируются в лексику другого языка и формально адаптируются (Muysken, 2000), они часто фонологически или морфологически адаптированы, широко употребляются, и не воспринимаются носителями языка как чужеродные элементы (Grosjean, 1982). Как отмечает Romaine (2012), заимствованиями также считаются слова, имеющие непосредственное отношение к культуре того или иного этноса (название блюд, традиций и др.). В отличие от этого, слова-переключения в билингвальном дискурсе являются окказиональными, случайными вкраплениями, то есть иноязычными элементами, возникающими на индивидуальном уровне в речи билингвов.

Согласно модели C. Myers-Scotton (1993), роль языков в двуязычной коммуникации является асимметричной; только один язык в кодовом переключении является главным – «матричным», в то время как второй язык является всего лишь гостевым (встроенным). Матричный язык обеспечивает билингвальную фразу системными морфемами, то есть всеми формами грамматических преобразований двуязычного высказывания. В случае казахско-русских переключений системными морфемами являются единицы, обеспечивающие и проецирующие одну общую грамматическую структуру билингвальной фразы. Язык, который является «гостем», выполняет функцию донора, «предлагая» билингвальному предложению или фразе, контентные морфемы, например, глаголы, существительные, прилагательные, предлоги, наречия и так далее.

В настоящей статье термины «кодовое переключение» и «смешение кодов» используются как синонимичные обозначения внутрифразового взаимодействия двух языков.

Результаты и обсуждение

Анализ данных позволил установить типы билингвальных конститuentов по составу компонентов: конститuentы, состоящие из морфем гостевого (встроенного) языка, которые не сопровождаются флексиями матричного языка, конститuentы, состоящие только из единиц гостевого языка, или по-другому – острова гостевого (встроенного) языка, и конститuentы, состоящие из комбинированной формы доминирующего матричного и гостевого (встроенного) языков.

Так, одним из наиболее типичных паттернов казахско-русского переключения является использование в речи формы гостевого (встроенного) языка без флексий матричного языка, которые не сопровождаются ни флексиями, ни служебными словами матричного языка. Ниже приведен пример использования таких конститuentов. Будучи вкраплениями из гостевого (встроенного) языка, слова «*печать*», «*погода*»

на русском языке в примерах (1) и (2), используются в речи билингвов без каких-либо флексий матричного языка (а именно, без окончаний винительного падежа *-ті* и *-ны* на казахском языке в *печать-ті* и *погода-ны* соответственно). Вкрапления из гостевого (встроенного) языка выделены курсивом; в квадратных скобках приводится перевод билингвальной фразы на русский язык.

(1) төмен-де-гі	кыз-ға	<i>печать</i>	казір	кой-дыр-ған
вниз-мест.п.- относит. суф.	девочка-дат.п.	<i>печать-сущ.</i>	сейчас-нареч.	ставит-прич.-прош.вр.

кез-де
во время – мест. п.

айт-а-сыз
говорит-наст.вр. 2 л.,- ед.ч.

[Скажите, когда будете ставить *печать* у девушки, которая сидит на нижнем этаже] (Транскрипт аудиозаписи, август 2017 года).

(2) <i>погода</i>	сұр-а-йын	деп	е-ді-м
<i>погода</i> – сущ.	спрашивать-желат. накл.-1 л., ед.ч.	говорит – дееприч.	вспом.гл.- 1 л., ед.ч.

[Хотел(а) узнать, какая *погода*] (транскрипт аудиозаписи, март 2015 года).

Рассмотренные примеры демонстрируют использование гостевого (встроенного) языка без флексий матричного языка в казахско-русском кодовом переключении: русские лексические единицы включаются в казахскую синтаксическую рамку без присоединения казахских флексивных показателей. При этом грамматическая организация высказывания сохраняется за матричным языком. Данные примеры показывают, что иноязычные лексемы могут функционировать как самостоятельные контентные элементы без морфологической адаптации к матричному языку.

Второй тип билингвальных конститuentов в корпусе казахско-русских переключений – острова гостевого (встроенного) языка – то есть конститuentы, состоящие только из единиц гостевого (встроенного) языка. Такие конститuentы следуют морфо-синтаксическим нормам гостевого (встроенного) языка, но вкраплены в рамки матричного языка. Например, в (3) все формообразующие аффиксы (системные морфемы), а именно,

в слове «тебя» – [я] – окончание винительного падежа, в слове «приглашаю» – [а] – суффикс основы настоящего времени; [ю] – личное окончание 1-ого лица, ед.ч. соответствуют нормам русского языка. Последовательность морфем во всей билингвальной фразе также проецируется матричным языком – русским. Ведь, согласно нормам казахского синтаксиса, порядок морфем в данной фразе выглядел бы иначе, а именно как «тебя – *туған күніме* – приглашаю» (сені *туған күніме шақырамын*), с глаголом действия в конце фразы. Это дает нам понять, что матричным языком в данном примере является русский язык, а гостевым (встроенным) – казахский язык. Так, «*туған күніме*» является островом казахского языка, так как внутри себя он четко следует казахскому морфо-синтаксису, сопровождаясь флексиями казахского языка. Но за пределами острова гостевого (встроенного) языка, будучи вкраплением в матричный язык, подчиняется абстрактной синтаксической структуре русского языка.

(3) теб-я	приглаш-а-ю	<i>ту-ған</i>	<i>күн-ім-е</i>
тебя-мест., 2 л., ед.ч., вин.п.	приглашать – гл. наст.вр.- 1 л., ед.ч.	<i>родиться</i> – прич., прош. вр.	<i>день-сущ., 1 л., ед.ч., притяж. суф. – Д.п.</i>

[тебя приглашаю на свой *день рождения*] (транскрипт аудиозаписи, март 2015 года).

Аналогичную ситуацию можно заметить в (4), в котором фраза «*надо удачно жениться или*

удачно выйти замуж» является островом гостевого (встроенного) языка:

(4) орыс-ша	айт-қан-да	<i>надо</i>	<i>удачно</i>	<i>женить-ся</i>
русский- нареч.суф.	говорить-прич.-прош. вр.-мест. п.	<i>надо</i> -мод. гл.	<i>удачно</i> -нареч.	<i>женить</i> -возвр.гл.
или	удачно	<i>выйти замуж</i>	<i>дейді</i>	
или-союз	<i>удачно</i> -нареч.	гл.-инф.	<i>нареч.</i>	говорить-гл.наст.вр.- 3 л., ед.ч.

[как говорят по-русски *надо удачно жениться или удачно выйти замуж*] (пример, приведенный билингвом).

Представленные выше примеры демонстрируют функционирование островов гостевого языка в казахско-русском кодовом переключении: отдельные конstituенты сохраняют внутреннюю морфо-синтаксическую структуру гостевого (встроенного) языка, одновременно интегрируясь в синтаксическую рамку матричного языка. В примере (3) казахский конstituент сохраняет казахские морфологические показатели, но включается в русскую синтаксическую структуру, тогда как в примере (4) русская конструкция сохраняет внутреннюю грамматическую организацию русского языка в рамках казахского высказывания. Эти случаи демонстрируют возможность локального сохранения грамматики гостевого (встроенного) языка внутри более крупного домена матричного языка.

Третий тип билингвальных конstituентов в корпусе казахско-русских переключений – конstituенты, состоящие из комбинированной формы матричного и гостевого языков; в основе морфо-синтаксической структуры таких конstituентов лежит матричный язык. Например, в (5) «*подружка-сы*» [ее / его подружка] состоит из конstituентов матричного и гостевого (встроенного) языков. К русскому существительному женского рода «*подружка*» присоединяется казахский притяжательный аффикс 3-го лица *-сы*. Морфо-синтаксическая структура проецируется матричным языком, казахским, в то время как содержательное наполнение «*подружка*» является вкраплением гостевого (встроенного) языка, русского.

(5) он-ың	<i>подружка-сы</i>	кайда?
он-л. мест.-3 л., ед. ч., род. п.	<i>подружка</i> -сущ., ж.р. ед.ч.-притяж. мест.-3 л.	где?-вопр. мест.

[где ее *подружка*?] (транскрипт аудиозаписи, март 2015 года).

В примере (6) мы можем наблюдать, что матричным языком в двуязычном высказывании является казахский язык, так как системные морфемы и порядок морфем соответствуют нормам матрично-

го языка, а русская лексема «документ» выступает контентной морфемой гостевого языка, тогда как показатели множественного числа и принадлежности оформлены средствами казахского языка.

(6) үй-дің	<i>документ-тер-і</i>	бар	ма?
дом-сущ., ед.ч., род. п.	<i>документ</i> -сущ., мн.ч., притяж. ф.- 3 л.	есть-гл.	вопр.част.

[есть ли *документы* на дом?] (транскрипт аудиозаписи, июль 2019 года).

В (7) русская глагольная основа «ограничить» сочетается с казахским вспомогательным глаголом «ет-» и деепричастным показателем “-іп”, а грамматическое значение – с помощью корня вспомогательного глагола «ет» (ету), и

формообразующего суффикса деепричастия настоящего времени -іп на казахском языке. Так как флексии исходят из казахского языка, он будет являться матричным языком в данной билингвальной фразе.

(7) кішкене	жеміс-жидек-ті	ограничивать	ет-іп
немного-нареч.	фрукты-вин. п.	ограничивать-гл.инф.	делать.- дееприч.

[немного *ограничив* потребление фруктов] (транскрипт аудиозаписи, август 2017 года).

Ниже еще один пример (8), в котором мы можем увидеть комбинированную структуру конститuentов с единой абстрактной структурой казахского языка, как матричного. Существительное «оплата»

на русском языке использовано в качестве контентного слова, в то время как казахский суффикс -ны, выступает в качестве показателя винительного падежа, маркирующий прямое дополнение.

(8) <i>полн-ый</i>	<i>оплата-ны</i>	<i>жаса-ма-са-ңыз</i>
полный-прил., м.р., ед.ч.	<i>оплата-сущ., ж.р., ед. ч., вин. п.</i>	делать-гл.-отриц.суф., отриц. суф., усл. накл.,-2 л., ед.ч.

[если не произведете полную оплату] (транскрипт аудиозаписи, июль 2019 года).

Здесь необходимо обозначить, что в (8) есть также русское прилагательное «полн-ый» мужского рода, которое не согласовано с русским существительным женского рода «оплата» согласно нормам русского языка. Такую особенность в классическом переключении можно объяснить в рамках теории С. Myers-Scotton, которая гласит, что все системные морфемы (грамматические формы) проецируются матричным языком. Поскольку в казахском языке отсутствует катего-

рия рода, необходимость согласования русского прилагательного с существительным по роду в такой билингвальной конструкции также отсутствует. В рассмотренных примерах русские прилагательные, включённые в казахскую матричную структуру, представлены в форме мужского рода, что может быть связано с отсутствием категории грамматического рода в казахском языке. Ниже приведены аналогичные примеры (9)-(11).

(9)содан	ол	<i>кратк-ий</i>	<i>истори-я-сын</i>	жаз-ған
после нареч.	он/она-мест., 3 л., ед.ч.	<i>краткий-прил. м.р., ед.ч.</i>	история-сущ., ж.р., ед.ч., притяж. ф. – 3л., вин.п.	писать-прич.-прош.вр.

[потом она написала *краткую историю*] (транскрипт аудиозаписи, март 2015 года).

(10) <i>седьм-ой</i>	<i>поликлиник-а-да</i>	<i>тірке-л-ген</i>
<i>седьмой- порядк.числ., м.р., ед.ч.</i>	<i>поликлиника- сущ., ж.р., ед.ч., мест.п.</i>	регистрировать- страд. – прич.-прош.вр.

[зарегистрирован в *седьмой поликлинике*] (пример, приведенный билингвом)

(11) мына	жер-ге	<i>кругл-ый</i>	<i>печать</i>	қой-ыл-а-ды
сюда – указат. мест.	место-сущ., ед.ч., Д. п.	<i>круглый-прил., м.р., ед.ч.</i>	печать-сущ.ж.р., ед.ч.	ставить-гл. страд. – наст. вр.-3 л., ед.ч.

[сюда ставится *круглая печать*] (транскрипт аудиозаписи, август 2017 года).

Наряду с этим, мы предполагаем, что в случае, если русское словосочетание полностью (прилагательное + существительное) воспринимается как остров гостевого (встроенного) языка, то согласование прилагательных с существительными по родам, числам, падежам вполне допустимо. К примеру, «содан ол *краткая история*сын жазған» и «*седьмая поликлиника*да тіркелген» и так далее.

Выявленные билингвальные конститuentы демонстрируют сочетание лексических элементов гостевого (встроенного) языка с грамматическими показателями матричного языка. В представленных примерах русский компонент интегрируется в казахскую морфо-синтаксическую структуру посредством казахских аффиксов и вспомогательных элементов, при этом порядок морфем и основные грамматические характеристики конструкции определяются казахским языком. Примеры (5)–(11) показывают, что такое сочетание позволяет сохранять русские контентные элементы при их структурной интеграции в казахскую грамматическую рамку, что соответствует принципам классического типа кодового переключения в рамках MLF.

Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели ключевые положения рамочной модели матричного языка, предложили классификацию билингвальных конститuentов по составу компонентов и обозначили те принципы модели, которые позволяют операционально разграничивать роли матричного и гостевого(встроенного) языков в двуязычном высказывании.

Качественный анализ отобранных фрагментов показывает, что в казахско-русской билингвальной речи используются конститuentы типов (1) конститuentы, состоящие из морфем гостевого (встроенного) языка без флексий матричного языка; (2) конститuentы, состоящие только из единиц гостевого (встроенного) языка; (3) конститuentы, состоящие из комбинированной формы матричного и гостевого (встроенного) языков. В рассмотренных фрагментах наиболее отчётливо представлены случаи, соответствующие классическому типу, при котором матричный язык проецирует системные морфемы и порядок морфем, формулируя грамматическую рамку билингвальной фразы. Полученные наблюдения позволяют охарактеризовать представленные в материале случаи казахско-русского кодового переключе-

ния с точки зрения основных положений рамочной модели матричного языка.

В современной литературе отмечается возможность связи особенностей кодового переключения с уровнем языковой компетентности билингвов, в частности в исследованиях билингвального дискурса (Yow et al., 2018). Однако в настоящем исследовании уровень владения матричным языком не оценивался с использованием отдельных диагностических процедур и не сопоставлялся количественно с типами кодового переключения. Поэтому на основании имеющихся данных невозможно установить наличие или характер зависимости между языковой компетентностью билингвов и типом кодового переключения. В частности, преобладание случаев классического типа в рассмотренных фрагментах не следует интерпретировать как статистически подтверждённую закономерность для казахско-русского билингвизма в целом. Так, перспективным направлением дальнейшего исследования является сопоставление билингвов с различным уровнем владения казахским и русским языками с последующим количественным анализом соотношения классического и композитного типов переключения. Такой подход позволит эмпирически проверить, связаны ли особенности морфо-синтаксической организации билингвальных высказываний с уровнем языковой компетенции говорящих, а также уточнить границы применимости рамочной модели матричного языка к казахско-русскому материалу.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов

Д.К. Кучербаева осуществила сбор, обработку и систематизацию исследовательских данных, провела формальный анализ, участвовала в разработке методологии, подборе необходимых ресурсов и проверке достоверности полученных результатов. Кроме того, ею был подготовлен первоначальный вариант рукописи. Ж.С. Смагулова участвовала в разработке концепции и методологии исследования, осуществляла административное руководство проектом и научное сопровождение работы. Также она провела научное рецензирование и редактирование рукописи, приняв участие в подготовке ее окончательной версии.

Список сокращений

1 л. – первое лицо
 2 л. – второе лицо
 3 л. – третье лицо
 винит. п. – винительный падеж
 возвр. гл. – возвратный глагол
 попр. мест. – вопросительное местоимение
 попр. част. – вопросительная частица
 вспом. гл. – вспомогательный глагол
 гл. – глагол
 дат. п. – дательный падеж
 дееприч. – деепричастие
 ед. ч. – единственное число
 ж. р. – женский род
 желат. накл. – желательное наклонение
 инф. – инфинитив
 м. р. – мужской род
 мест. – местоимение
 мест. п. – местный падеж
 мод. гл. – модальный глагол
 нареч. – наречие
 наст. вр. – настоящее время
 отриц. суф. – отрицательный суффикс
 повелит. накл. – повелительное наклонение
 порядк. числ. – порядковое числительное
 прил. – прилагательное
 притяж. мест. – притяжательное местоимение
 притяж. ф. – притяжательная форма
 прич. – причастие
 прош. вр. – прошедшее время
 род. п. – родительный падеж
 страд. – страдательный залог
 суф. – суффикс
 сущ. – существительное
 указат. мест. – указательное местоимение
 усл. накл. – условное наклонение
 числ. – числительное

Литература

- Cheshire, J., & Trudgill, P. (Eds.). (1998). *The sociolinguistics reader: Gender and discourse*. Arnold.
- Romaine, S. (2012). The bilingual and multilingual community. In T. K. Bhatia & W. C. Ritchie (Eds.), *The handbook of bilingualism and multilingualism* (pp. 443–465). John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118332382.ch18>
- Li, W. (2013). Conceptual and methodological issues. In T. K. Bhatia & W. C. Ritchie (Eds.), *The handbook of bilingualism and multilingualism*. Wiley. <http://ebookcentral.proquest.com/lib/hkied-ebooks/detail.action?docID=1031865>
- Myers-Scotton, C. (2002). *Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes*. Oxford University Press.
- Deuchar, M. (2020). Code-switching in linguistics: A position paper. *Languages*, 5(2), Article 22. <https://doi.org/10.3390/languages5020022>
- Akinremi, I. (2016). Structural patterns and strategies of code-switching in Igbo–English bilingual discourse. *Studies in African Linguistics*, 45(1–2), 1–25. <https://doi.org/10.32473/sal.v45i1.107257>
- Forker, D. (2019). Sanzhi–Russian code-switching and the Matrix Language Frame model. *International Journal of Bilingualism*, 23(6), 1448–1468. <https://doi.org/10.1177/1367006918798971>
- Jankowski, H. (2012). Kazakh in contact with Russian in modern Kazakhstan. *Turkic Languages*, 16, 25–67.
- USSR State Committee on Statistics. (1990). *Population of the USSR: According to the 1989 All-Union population census*. Finance and Statistics. https://istmat.info/files/uploads/17594/naselenie_ssr_po_dannym_vsesoyuznoy_perepisi_naseleniya_1989g.pdf
- Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics. (2009). *Results of the 2009 national population census of the Republic of Kazakhstan*. <https://stat.gov.kz/census/national/2009/region>
- Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (2021). *National composition, religion and language proficiency in the Republic of Kazakhstan*. <https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/cee/3rsfg8ps3xo19orb284esg4rx27ihqf7/>

- Grosjean, F. (2001). The bilingual's language modes. In J. L. Nicol (Ed.), *One mind, two languages: Bilingual language processing* (pp. 1–22). Blackwell.
- Бекмағанбетова, Б. (2006). Хат. *Ана милі*, № 18, 12–6.
- Dave, B. (1996). *Politics of language revival: National identity and state building in Kazakhstan*. Syracuse University. <https://www.proquest.com/openview/5a6431ad76ce226813fa66a9bcabbf2f1/pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y>
- Laitin, D. D. (1998). *Identity in formation: The Russian-speaking populations in the near abroad*. Cornell University Press.
- Diener, A. C. (2006). Homeland as social construct: Territorialization among Kazakhstan's Germans and Koreans. *Nationalities Papers*, 34(2), 201–235. <https://doi.org/10.1080/00905990600720294>
- Cummings, S. N. (2006). Legitimation and identification in Kazakhstan. *Nationalism and Ethnic Politics*, 12(2), 177–204. <https://doi.org/10.1080/13537110600734547>
- Smagulova, J. (2014). Early language socialization and language shift: Kazakh as baby talk. *Journal of Sociolinguistics*, 18(3), 370–387. <https://doi.org/10.1111/josl.12078>
- Smagulova, J. (2019). Ideologies of language revival: Kazakh as school talk. *International Journal of Bilingualism*, 23(3), 740–756. <https://doi.org/10.1177/1367006916684920>
- Muhamedowa, R. (2009). The use of Russian conjunctions in the speech of bilingual Kazakhs. *International Journal of Bilingualism*, 13(3), 331–356. <https://doi.org/10.1177/1367006909346613>
- Akisev, T. (2020). The syntax of Kazakh–Russian intrasentential code-switching in reported clauses. *Language. Text. Society*, 7(1). <https://ltsj.online/2020-07-1-akisev>
- Foster, H. L. (2017). *Imagining the Shala-Kazakh: Code-switching and satire in post-Soviet Kazakhstan* [Master's thesis, University of Texas]. <https://repositories.lib.utexas.edu/items/3de3b70c-8c5d-4d76-8ad7-9655d42e8138>
- Wheeler, L. (2017). *A linguistic ethnographic perspective on Kazakhstan's trinity of languages: Language ideologies and identities in a multilingual university community* [Doctoral dissertation, University of Birmingham]. <https://etheses.bham.ac.uk/id/eprint/7812/>
- Кенжебаева, Ж. (2020). Переключение кода: основные направления исследования. *Colloquium-journal*, 19(71), 103–106. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-12067>
- Утегенова, К., & Утегенова, А. (2018). Переключение кодов в устной диалогической речи казахов: полилингвальный коммуникативный акт. *Східнослов'янська філологія: від Нестора до сьогодення*, 194.
- Курманова, Б., & Утегенова, А. (2021). Кодовое переключение в устной диалогической речи казахов на материале русского, казахского и английского языков. *Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык*, 10, 70–82. <https://elar.uspu.ru/handle/ru-uspu/36783>
- Auer, P., & Muhamedowa, R. (2005). Embedded language and matrix language in insertional language mixing: Some problematic cases. *Rivista di Linguistica*, 17(1), 35–54. https://www.italian-journal-linguistics.com/app/uploads/2021/06/03.Auer_01.De_.pdf
- Mahire, Y. (2018). Code-switching patterns in Kazakh–Russian–English trilingual speakers. Paper presented at the CESS Conference, Kazan, Russia.
- Timm, L. A. (1975). Spanish–English code-switching: El porqué y how-not-to. *Romance Philology*, 28(4), 473–482. <https://www.jstor.org/stable/44941606>
- Pfaff, C. W. (1979). Constraints on language mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish/English. *Language*, 55(2), 291–318. <https://doi.org/10.2307/412586>
- Poplack, S. (1980). Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: Toward a typology of code-switching. *Linguistics*, 18(7–8), 581–618. <https://doi.org/10.1515/ling.1980.18.7-8.581>
- Clyne, M. (1987). Constraints on code-switching: How universal are they? *Linguistics*, 25(4), 739–764.
- Myers-Scotton, C. (1993). *Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching*. Clarendon Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198240594.001.0001>
- Myers-Scotton, C. (2006). *Multiple voices: An introduction to bilingualism*. Blackwell.
- Halliday, M. A. K. (1978). *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. Edward Arnold.
- Bokamba, E. G. (1989). Are there syntactic constraints on code-mixing? *World Englishes*, 8(3), 277–292. <https://doi.org/10.1111/j.1467-971X.1989.tb00669.x>
- Muysken, P. (2000). *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1353/lan.2002.0114>
- Grosjean, F. (1982). *Life with two languages: An introduction to bilingualism*. Harvard University Press.
- Yow, W. Q., Tan, J. S. H., & Flynn, S. (2018). Code-switching as a marker of linguistic competence in bilingual children. *Bilingualism: Language and Cognition*, 21(5), 1075–1090. <https://doi.org/10.1017/S1366728917000335>

References

- Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics. (2009). *Results of the 2009 national population census of the Republic of Kazakhstan*. <https://stat.gov.kz/census/national/2009/region>
- Akinremi, I. (2016). Structural patterns and strategies of code-switching in Igbo–English bilingual discourse. *Studies in African Linguistics*, 45(1–2), 1–25. <https://doi.org/10.32473/sal.v45i1.107257>
- Akisev, T. (2020). The syntax of Kazakh–Russian intrasentential code-switching in reported clauses. *Language. Text. Society*, 7(1). <https://ltsj.online/2020-07-1-akisev>

- Auer, P., & Muhamedova, R. (2005). Embedded language and matrix language in insertional language mixing: Some problematic cases. *Rivista di Linguistica*, 17(1), 35–54. https://www.italian-journal-linguistics.com/app/uploads/2021/06/03.Auer_01.De_.pdf
- Bekmaganbetova, B. (2006). Hat [A letter]. *Ana tili*, 18, 12. (In Kazakh)
- Bokamba, E. G. (1989). Are there syntactic constraints on code-mixing? *World Englishes*, 8(3), 277–292. <https://doi.org/10.1111/j.1467-971X.1989.tb00669.x>
- Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (2021). *National composition, religion and language proficiency in the Republic of Kazakhstan*. <https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/cee/3rsfg8ps3xo19orb284esg4rx27ihqf7/>
- Cheshire, J., & Trudgill, P. (Eds.). (1998). *The sociolinguistics reader: Gender and discourse*. Arnold.
- Clyne, M. (1987). Constraints on code-switching: How universal are they? *Linguistics*, 25(4), 739–764.
- Cummings, S. N. (2006). Legitimation and identification in Kazakhstan. *Nationalism and Ethnic Politics*, 12(2), 177–204. <https://doi.org/10.1080/13537110600734547>
- Dave, B. (1996). *Politics of language revival: National identity and state building in Kazakhstan*. Syracuse University. <https://www.proquest.com/openview/5a6431ad76ce226813fa66a9bcabf2f/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y>
- Deuchar, M. (2020). Code-switching in linguistics: A position paper. *Languages*, 5(2), Article 22. <https://doi.org/10.3390/languages5020022>
- Diener, A. C. (2006). Homeland as social construct: Territorialization among Kazakhstan's Germans and Koreans. *Nationalities Papers*, 34(2), 201–235. <https://doi.org/10.1080/00905990600720294>
- Forker, D. (2019). Sanzhi–Russian code-switching and the Matrix Language Frame model. *International Journal of Bilingualism*, 23(6), 1448–1468. <https://doi.org/10.1177/1367006918798971>
- Foster, H. L. (2017). *Imagining the Shala-Kazakh: Code-switching and satire in post-Soviet Kazakhstan* [Master's thesis, University of Texas]. <https://repositories.lib.utexas.edu/items/3de3b70c-8c5d-4d76-8ad7-9655d42e8138>
- Grosjean, F. (1982). *Life with two languages: An introduction to bilingualism*. Harvard University Press.
- Grosjean, F. (2001). The bilingual's language modes. In J. L. Nicol (Ed.), *One mind, two languages: Bilingual language processing* (pp. 1–22). Blackwell.
- Halliday, M. A. K. (1978). *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. Edward Arnold.
- Jankowski, H. (2012). Kazakh in contact with Russian in modern Kazakhstan. *Turkic Languages*, 16, 25–67.
- Kenzhebayeva, Zh. (2020). Pereklyuchenie koda: osnovnye napravleniya issledovaniya [Code-switching: Main research directions]. *Colloquium-journal*, 19(71), 103–106. (In Russian) <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-12067>
- Kurmanova, B., & Utegenova, A. (2021). Kodovoe pereklyuchenie v ustnoy dialogicheskoy rechi kazakhov na materiale russkogo, kazakhskogo i angliyskogo yazykov [Code-switching in the oral dialogical speech of Kazakhs: Based on Russian, Kazakh and English]. *Sotsiokulturnoe prostranstvo Rossii i zarubezhya: obshchestvo, obrazovanie, yazyk*, 10, 70–82. (In Russian) <https://elar.uspu.ru/handle/ru-uspu/36783>
- Laitin, D. D. (1998). *Identity in formation: The Russian-speaking populations in the near abroad*. Cornell University Press.
- Li, W. (2013). Conceptual and methodological issues. In T. K. Bhatia & W. C. Ritchie (Eds.), *The handbook of bilingualism and multilingualism*. Wiley. <http://ebookcentral.proquest.com/lib/hkied-ebooks/detail.action?docID=1031865>
- Mahire, Y. (2018). Code-switching patterns in Kazakh–Russian–English trilingual speakers. Paper presented at the CESS Conference, Kazan, Russia.
- Muhamedova, R. (2009). The use of Russian conjunctions in the speech of bilingual Kazakhs. *International Journal of Bilingualism*, 13(3), 331–356. <https://doi.org/10.1177/1367006909346613>
- Muysken, P. (2000). *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1353/lan.2002.0114>
- Myers-Scotton, C. (1993). *Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching*. Clarendon Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198240594.001.0001>
- Myers-Scotton, C. (2002). *Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes*. Oxford University Press.
- Myers-Scotton, C. (2006). *Multiple voices: An introduction to bilingualism*. Blackwell.
- Pfaff, C. W. (1979). Constraints on language mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish/English. *Language*, 55(2), 291–318. <https://doi.org/10.2307/412586>
- Poplack, S. (1980). Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: Toward a typology of code-switching. *Linguistics*, 18(7–8), 581–618. <https://doi.org/10.1515/ling.1980.18.7-8.581>
- Romaine, S. (2012). The bilingual and multilingual community. In T. K. Bhatia & W. C. Ritchie (Eds.), *The handbook of bilingualism and multilingualism* (pp. 443–465). John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118332382.ch18>
- Smagulova, J. (2014). Early language socialization and language shift: Kazakh as baby talk. *Journal of Sociolinguistics*, 18(3), 370–387. <https://doi.org/10.1111/josl.12078>
- Smagulova, J. (2019). Ideologies of language revival: Kazakh as school talk. *International Journal of Bilingualism*, 23(3), 740–756. <https://doi.org/10.1177/1367006916684920>
- Timm, L. A. (1975). Spanish–English code-switching: El porqué y how-not-to. *Romance Philology*, 28(4), 473–482. <https://www.jstor.org/stable/44941606>
- USSR State Committee on Statistics. (1990). *Population of the USSR: According to the 1989 All-Union population census*. Finance and Statistics. https://istmat.info/files/uploads/17594/naselenie_ussr_po_dannym_vsesoyuznoy_perepisi_naseleniya_1989g.pdf

Utegenova, K., & Utegenova, A. (2018). *Pereklyuchenie kodov v ustnoy dialogicheskoy rechi kazakhov: polilingvalnyy kommunikativnyy akt* [Code-switching in the oral dialogical speech of Kazakhs: A polylingual communicative act]. *Skhidnoslovianska filologiya: vid Nestora do sohodennia*, 194. (In Russian)

Wheeler, L. (2017). *A linguistic ethnographic perspective on Kazakhstan's trinity of languages: Language ideologies and identities in a multilingual university community* [Doctoral dissertation, University of Birmingham]. <https://etheses.bham.ac.uk/id/eprint/7812/>

Yow, W. Q., Tan, J. S. H., & Flynn, S. (2018). Code-switching as a marker of linguistic competence in bilingual children. *Bilingualism: Language and Cognition*, 21(5), 1075–1090. <https://doi.org/10.1017/S1366728917000335>

Сведения об авторах:

Кучербаева Дина Калибековна – PhD, ассистент-профессор, Maqsut Narikbayev University (Астана, Казахстан, e-mail: d_kucherbayeva@mnu.kz).

Смагулова Жұлдыз Сағидоллаевна – PhD, профессор, Университет КИМЭП (Алматы, Казахстан, e-mail: juldyz@kimep.kz).

Information about the authors:

Kucherbayeva Dina – PhD, Assistant professor, Maqsut Narikbayev University (Astana, Kazakhstan, e-mail: d_kucherbayeva@mnu.kz).

Smagulova Juldyz – PhD, Professor, KIMEP University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: juldyz@kimep.kz).

Авторлар туралы мәлімет:

Көшербаева Дина Қалибекқызы – PhD, ассистент-профессор Maqsut Narikbayev University (Астана, Қазақстан, e-mail: d_kucherbayeva@mnu.kz).

Смагулова Жұлдыз Сағидоллақызы – PhD, профессор, КИМЭП университеті Алматы, Қазақстан, e-mail: juldyz@kimep.kz).

Поступила: 1 июля 2026 г.
Принята: 3 сентября 2026 г.